

З. Миркина, Г. Померанц

Дополнение к обращению в Московскую Патриархию

Сравнительно недавно нами в числе еще нескольких сотен человек было подписано обращение к Святейшему Патриарху Московскому и всея Руси Кириллу с просьбой освободить из особой монастырской ссылки иеромонаха Илариона (Соколовского), отправленного туда управлением Иваново-Вознесенской за некоторые ошибки в его миссионерской деятельности в мультимедийных сетях.

Почему мы, мирские люди, вмешиваемся в дела православной церкви?

Вопрос этот хочется разделить на две части. Во-первых, почему это нас так волнует? Во-вторых, почему церковь сама не может разобраться в подобных вещах? Разве знакомые отца Илариона монахи и священники не способны поднять вопрос о потугах сталинизации епархии, направить обращение к патриарху и т.п.?

Постараемся сначала ответить на первый вопрос: нас глубоко волнует всякое проявление

тоталитаризма, где бы оно ни происходило. Но в наше время то, что происходит в духовном пространстве, вызывает особо глубокую тревогу. Мы живем в кризисное время, когда отпадение человека от Бога, от духовного источника своей жизни происходит повсеместно, с полной уверенностью в том, что «все позволено». «Если Бога нет, то все позволено», – говорил устами своих героев Достоевский. А в одном из современных фильмов героиня произносит примерно следующую фразу: «Нам сказали “Бог есть. Ну и чего?”»

Вот это «ну и чего?» нас глубоко волнует. Прошлую свою статью «Нужна ли интеллигенция православной церкви?» мы закончили цитатой из выступления Матери Марии.

Мы очень благодарны митрополиту Иллариону, поддержавшему нас в ответной статье «Православной церкви нужна интеллигенция». И однако «Васька слушает, да ест». Не только нас, но и высокого церковного Владыку мало кто услышал. Во всяком случае, в Иваново-Вознесенской епархии – не услышали. Судьба иеромонаха Илариона остается такой же, как была. Он уже три месяца отбывает заключение в Николо-Шартомском монастыре без

права переписки и пользования мобильником. Окно его кельи-камеры выходит в коридор, из которого тем самым она свободно просматривается. Свидание с о. Иларионом разрешены только в присутствии специально приставленного монаха. Братьям монастыря запрещено входить с ним в контакт. И все это определено отнюдь не настоятелем обители, а более высокой иерархической инстанцией.

В вину заключенному ставится самовольное миссионерское общение в мультимедийных сетях интернета и вырванные из контекста диалога фразы, свидетельствующие о его якобы неуважительном отношении к власти и народу. Не будем сейчас разбираться в подробностях его высказывании. Если и были неудачные фразы, то о. Иларион в них неоднократно раскаивался. А вот то, что благодаря его деятельности не одна сотня предельно далеких от религии людей стала проявлять интерес к православию и церкви – вот это игнорировалось. Также как и слова патриарха Кирилла, призывающие всех священнослужителей к миссионерской работе в мультимедийном пространстве.

Заслуживает особого внимания сопроводительный текст к приговору, вынесенному иеромонаху

Илариону, – «для приобретения монашеского опыта». Что ж, может быть кто-то и на самом деле сочтет, что достигший пенсионного возраста человек, прожив 20 лет монахом, страдая от сердечных и прочих недугов, способен всерьез обогатиться монашеским опытом в новых монастырских условиях строгого режима. Тем не менее, все это изрядно напоминает сталинские Соловки, куда ссылали интеллигенцию исключительно для ее же блага, для перевоспитания, *для приобретения советского опыта.*

Разумеется, условия, в которых находится сейчас о. Иларион, несколько лучше тех, в которых, например, оказался заточенным в монастыре интеллигентным изувером Иваном Грозным интеллигент своего времени преподобный Максим Грек.

И все же у о. Илариона, как нам стало известно, за три месяца заключения уже неоднократно случались сердечные приступы. Откуда мы все это так подробно знаем? Мы никогда не были в Иваново-Вознесенском монастыре, не знакомы ни с одним из монахов. И однако с монастырем у нас завязалась глубокая дружба. Она началась с того, что одна из монахинь купила в магазине книгу стихов З.Миркиной

«Блаженная нищета» и написала горячее письмо с просьбой поместить эти стихи в монастырский альманах «Обитель слова». Она прислала нам этот альманах для ознакомления и мы оба пришли в восторг от духовного и художественного уровня этого альманаха. Это была настоящая радость – значит православная церковь жива, если есть такие альманахи, такие авторы!

И вот, от этих же авторов мы узнали, что случилось с их собратом и даже то, что альманаху грозит небытие.

Вот от чего мы так глубоко взволновались.

А теперь – второй вопрос: почему сами монахи, знакомые о. Илариона не способны поднять вопрос о потугах сталинизации епархии, направить письмо патриарху и т.п.

Потому что священнослужители прекрасно знают, что такого рода дерзость почти сразу обернется дерзнувшему запретом на священнослужение.

Когда-то мы разговаривали с отцом Александром Менем о его друге священнике С.Желудкове, выведенным за штат. Александр Владимирович сказал, что для священника не служить все равно что для поэта не писать стихов. «Не писать или не

печататься?» – спросили мы. «Не писать», – с ударением сказал о. Александр. И здесь мы вздрогнули. Это почти что не дышать. Запрет дышать.

Отец Иларион может в любой момент покинуть место своего заточения. Но уже не как священник. Однако он этого пока не делает.

Как же надо ценить священников, для которых не совершать богослужение равносильно прекращению дыхания! Можно сказать, что большинство батюшек не мыслят себя отлученными от богослужения, а, следовательно, в руках сталиноподобной диктатуры по сей день остается достаточно мощный репрессивный рычаг.

Духовная борьба продолжается долгие века и никогда не поздно встать на сторону Того, кто не думал исправлять грешников дыбой и костром и даже предлагал не бросать в них камень, а думать как самим избавляться от греха.